

Языковое единство и общенациональная идентичность: правовая ретроспектива

Аннотация. Автор дает ретроспективный анализ правовых аспектов языковой политики эпохи модерна, когда с национальной идентичностью, базирующейся во многом на общности языка, оказывается сопряженной гражданская идентичность, требующая безусловной политической лояльности по отношению к государству. В этих условиях государство модерна, независимо от формы правления, государственного устройства и политического режима, предпринимает попытки объединить при помощи языковой политики и опосредующего ее проведения правового регулирования разнородные группы — этнически и не только — в политическую нацию, интегрированную прежде всего лингвистически. Раскрывается центральная роль, которую играли в формировании гражданской идентичности и политической нации лингвоидеологии и лингворегулирование, опосредующие, соответственно, идейно-ценностную и позитивно-правовую проекции языковой политики. Показывается, как поступательно нарастающей политизации языковой проблематики сопутствовала — в контексте процессов государственного строительства и становления гражданской идентичности — юридизация данного дискурса. В контексте рассматриваемой проблематики обосновывается тезис о нерелевантности подходов радикального конструктивизма к интерпретации соотношения языка, национальной идентичности и правового регулирования. Обосновывается итоговый вывод о важности сравнительно-исторического изучения опыта правового воздействия на языковую сферу в качестве ключевого компонента национальной идентичности для определения оптимальных форм правового воздействия на языковые отношения.

Ключевые слова: языковое единство, национальная идентичность, национальное государство, политическая лояльность, национализм, языковая политика, правовое регулирование, языковое законодательство

**Алексей Сергеевич
КАРЦОВ,**

советник
Конституционного
Суда РФ,
профессор кафедры
теории и истории
Северо-Западного
института управления —
филиала РАНХиГС
при Президенте РФ,
член комиссии Российского
исторического общества
по истории государства
и права,
доктор юридических наук,
профессор
kartsov-as@ranepa.ru
190000, Россия,
г. Санкт-Петербург,
Сенатская пл., д. 1

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.124.12.101-111

Alexey S. KARTSOV,

Advisor, the Constitutional Court of the Russian Federation;

Professor, Department of Theory and History

of the North-Western Institute of Management —

Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Dr. Sci. (Law), Professor

kartsov-as@ranepa.ru

1, Senate Square, Saint Petersburg, Russia, 190000

The Linguistic Unity and National Identity: A Legal Retrospective

Abstract. *The author provides a retrospective analysis of the legal aspects of language policy during the modern era, when national identity, largely based on a common language, becomes intertwined with civic identity, which demands unconditional political loyalty to the state. Under these conditions, the modern state, regardless of its form of government, political structure, or regime, attempts to unify diverse groups — ethnic and otherwise — into a political nation primarily integrated linguistically, through language policy and the legal regulation that mediates its implementation. The paper shows the central role that linguistic ideologies and language regulation played in the formation of civic identity and the political nation mediating respectively the ideological-value and positive-legal aspects of language policy. It is shown how the progressively increasing politicization of language issues was accompanied — within the context of state-building processes and the formation of civic identity — by the legal framing of this discourse. The article proves the irrelevance of the point of view of radical constructivism regarding the relationship between language, national identity and legal regulation. The final conclusion emphasizes the importance of comparative-historical study of the experience of legal influence on the linguistic sphere as a key component of national identity for determining optimal forms of legal impact on language relations.*

Keywords: *linguistic unity, national identity, nation state, political loyalty, nationalism, language policy, legal regulation, language legislation*

Культур-антропологический подход к изучению правовых феноменов, включая, помимо прочего, тезис о неразрывной связи права и языка как слагаемых общего культурного процесса, ныне воспринят юридической наукой, и это вполне обоснованно¹.

¹ Показательны методологические установки историко-правовой научной школы МГЮА. См., например: *Исаев И. А.* Основная норма («Скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8 ; *Его же.* Историческая метафизика власти и закона. Обращение к истокам. Очерки по истории и философии

Одной из важных граней данной проблематики, с учетом области истории права, является концептуальная (идейно-правовая) и нормативная (позитивно-правовая) ретроспектива утверждения национального языка, разработки и применения языкового законодательства.

Думается, обстоятельный сравнительно-исторический анализ опыта решения встающих в этой связи вопросов — и нормативных, и институциональных — наряду с чисто академической (познавательной) значимостью, может быть полезен законодателю и правоприменителю наших дней, помогая в определении наиболее целесообразных форм и мер публично-правового вмешательства в языковые отношения.

По известному выражению Эрнеста Ренана, «территория, как и раса, не создает нацию... Нация — это духовный принцип, возникший в результате многосложного исторического развития, духовная семья, а не группа, определяемая лишь территориальной общностью. Нация — это великая солидарность, состоящая из памяти о принесенных жертвах и готовности к их совместному принесению в будущем. Нация предполагает общее прошлое, проявляющееся в настоящем через ясно выраженное желание продолжать жить вместе. Существование нации есть, метафорически выражаясь, ежедневный плебисцит»².

Развивая этот образный ряд — сколь бы недопустимо «эссенциалистично» он ни выглядел с конструктивистской точки зрения, доминирующей в исследованиях идентичности, — язык может быть охарактеризован в качестве духовной ипостаси нации, отражения присущего ей коллективного сознания (национальной психологии).

Несомненна взаимосвязь, существующая между национальным самосознанием и языковой идентичностью в аристотелевском смысле данного понятия, как «единства, присущего определенному множеству». Национальный язык хранит в себе многовековой опыт своих носителей, являясь достоянием и отдельно взятого народа, и человеческой цивилизации в целом. Более того, как показывают исследования в области сравнительной политологии и социолингвистики, язык — не просто зеркало или скрепа национальной идентичности, но во многом ее движущая сила, незримый демиург национального единства. Выступая незаменимым свидетельством общности национальной, языковая общность знаменует бытие нации как таковой.

Вплоть до наступления Нового времени язык еще не обрел политического значения, а потому не стал ни полем идеологических битв, ни предметом сколь-нибудь детального правового регулирования. Относительно невысокий уровень экономического и технологического развития не способствовал возникновению

права. М. : Проспект, 2024. См. также: Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб. : Алетей, 2017 ; Веденеев Ю. А. Юридическая наука: становление и развитие языка научной дисциплины // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 11.

² Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? // Renan E. Discours et conférences. Paris : Galman Lévy, 1887. URL: <https://archive.org/details/discoursetconf00renauoft/page/n3/mode/2up>.

языкового вопроса, по крайней мере не располагал к его политизации. Определяющими показателями политической идентичности (коллективной лояльности) в гораздо большей степени были религиозные и кланово-родственные связи. Публичное использование языка было достаточно ограниченным, не вовлекающим основную массу населения. К тому же неграмотность подавляющего его большинства, по сути, снимала целый ряд проблем, впоследствии ставших ключевыми для языковой политики и языкового законодательства: официального языка, языковой нормы (язык vs диалект), выбора письменности (как собственно языка, так и графики) и т.п. Наконец, правящие и подвластные зачастую использовали разные языки, причем языком высокой культуры нередко выступал третий язык, неведомый массам и лишь отчасти известный элитам.

Иногда встречается утверждение, что социальные структуры, которые современности известны как нации, имеют более раннюю, чем это принято считать, историю, существуя уже со времен Возрождения, а обладающий культурно-языковой подоплекой национализм с самого начала выступал их неизбежным идеологическим спутником. Не разделяя безоговорочно этого мнения, следует все же признать: изобретение печатного станка, проложив дорогу общенационального литературного языка, подготовило почву для появления (лингво)национализма³.

В условиях централизованных государств Нового времени общенациональная идентичность оказывается реверсом политической лояльности. Представляя собой многоаспектное целое, эта идентичность не может быть целиком и полностью навязана извне, активирована с помощью тех или иных идеологических манипуляций, чтобы ни утверждали радикальные конструктивисты. В равной мере ее нельзя редуцировать к какому-либо одному компоненту. Но тем не менее создание благоприятных предпосылок для факторов, вне которых общенациональная идентичность просто не может появиться, существенно облегчает «роды нации». К этим факторам, безусловно, принадлежат общий язык и создаваемая на этом языке культура⁴. По этой причине отсутствие (недостаточная распространенность) общенационального языка на протяжении последних четырех с лишним столетий расценивается в качестве подлежащего преодолению главного препятствия на пути политического единения. В этих обстоятельствах на авансцену

³ См.: Sayer D. The Language of Nationality and the Nationality of Language: Prague 1780—1920 // Past and Present. 1996. Vol. 153, Nov ; Blommaert J., Verschueren J. The role of language in European nationalist ideologies // Woolard K., Kroskrity P. (eds.) Language Ideologies: Practice and Theory. New York, 1998 ; Greenfield L. Nationalism and language // Concise Encyclopedia of Pragmatics. London, 1998 ; Kamusella T. Language as an Instrument of Nationalism in Central Europe // Nations and Nationalism. 2001. № 7.

⁴ Gumperz J. Introduction: Language and the Communication of Social Identity // Gumperz J. (ed.) Language and Social Identity. Cambridge : Cambridge University press, 1982 ; Barbour S. Language and National Identity in Europe // C. Hoffmann (ed.). Language, Culture and Communication in Contemporary Europe. Clevedon : Multilingual Matters, 1996 ; Jensen J. Politics of Language and Language of Politics: Corsican Language Activism and Conflicts between Internal and External Representations of National Identity // Journal of the Danish Ethnographic Society. 1999. Vol. 41 ; Edwards J. Language and Identity: An introduction. Cambridge, 2009.

государственного строительства, не делимого от формирования политической нации, выдвигается поддерживаемая соответствующими законодательными установлениями языковая политика. Ее цели — максимальное продвижение общенационального языка, придание ему возможно большего коммуникативного значения и социального престижа; в новейшее время со стороны государств — влиятельных международных акторов заметен также интерес к утверждению наднациональной значимости общенационального языка.

С приходом модерна мы повсеместно видим предпринимаемые государствами, безотносительно от формы правления, государственного устройства и политического режима, попытки объединить при помощи языковой политики и опосредующего ее проведение правового регулирования разнородные группы — этнически и не только — в политическую нацию, интегрированную прежде всего лингвистически. С национальной идентичностью, базирующейся во многом на общности языка, теперь сопряжено поддержание идентичности гражданской, объективируемой в институте гражданства с его требованием абсолютной политической лояльности индивида по отношению к государству⁵.

Пожалуй, тут следует оговориться: государство и сообщество, обладающее развитой культурой и скрепленное языковыми узами (протономия) в принципе могут существовать и независимо друг от друга. Однако такое существование, как правило, чревато различного рода конфликтами, внешними и внутренними. Тот или иной из двух разъединенных частей этой диады — национальное сообщество (протономия) или государство — в зависимости от того, чья субъектность к соответствующему моменту будет уже сформирована, обречен на попытки создания отсутствующего элемента. И в этом генезисе решающую роль играет фактор языка.

История знает примеры, когда нация, не имеющая либо некогда утратившая собственную государственность, созидает либо воссоздает ее, вдохновляясь

⁵ *Stevenson P.* The German Language and the Construction of National Identities // J. Flood, P. Salmon (hrsg.). *Das unsichtbare Band der Sprache: Studies in German Language and Linguistic History in Memory of Leslie Seiffert.* Stuttgart : Heinz Akademischer, 1999 ; *Nelde P., Weber P.* Les trois identités linguistiques en Belgique — des particularismes culturels? // *Sociolinguistica.* 1995. № 9 ; *Mersin-Alici D.* The Role of Culture, History and Language in Turkish National Identity Building: an Overemphasis on Central Asian Roots // *Central Asian Survey.* 1996. № 15 ; *Turville-Petre T.* England the Nation: Language, Literature, and National Identity, 1290—1340. Oxford : Clarendon press, 1996 ; *Gorlach M.* Language and Nation: the Concept of Linguistic Identity in the History of English // *English World-Wide: a Journal of Varieties of English.* 1997. Vol. 18 ; *Rohlfleisch I.* Das Dilemma der nationalen Identität in Oberschlesien // D. Szilvia, F. Thorsten (hrsg.). *Einstellungsforschung in der Soziolinguistik und Nachbardisziplinen / Studies in Language Attitudes.* Frankfurt : Peter Lang, 2000 ; *Berre M.* Le Français à l'école primaire en Flandre vers 1880—1890: Identités nationales et techniques d'enseignement // M. Kok-Escalante, F. Melka (eds.). *Changements politiques et statut des langues: Histoire et épistémologie 1780—1945.* Amsterdam : Rodopi, 2001 ; *Bivona R.* L'Italie est faite, il faut faire les Italiens: La Construction de l'identité nationale dans les manuels scolaires // Op. cit. ; *Gal S.* Linguistic Theories and National Images in Nineteenth-century Hungary // S. Gal, K. Woolard (eds.), *Languages and Publics: The Making of Authority.* Manchester : St. Jerome, 2001.

культурной самобытностью, олицетворяемой и выражаемой общим языком. В свой черед, государство, не обладающее базовым национальным субстратом, прибегает ко всем находящимся в его распоряжении материальным и символическим ресурсам, дабы придать существующей политической организации (государственности) признаки культурной идентичности; как можно более укрепить политическую лояльность общенациональной идентичностью, основывающейся, как было сказано, во многом на языковом единстве. И в той, и в другой ситуации языковые политика и законодательство предстают рычагами формирования политической нации.

Возникновение национальных государств в Европе на рубеже XVIII—XIX вв. сопровождалось и стимулировалось тремя процессами, именуемыми иногда ввиду присущей им бурной динамики «революциями». Их суммарным следствием стала жизненно необходимая для появления нации гомогенизация — внутренняя (уничтожение сословных перегородок, а значит и культурных барьеров, отделявших одни социальные группы от других; преодоление обособленности отдельных регионов, поддерживаемой архаикой внутренних таможен, особых налоговых правил и т.д.) и внешняя (более четкое прочерчивание государственных границ по ареалам расселения нации).

Политическая революция провозгласила высшую учредительную власть нации как единственного источника публичной власти (народный суверенитет), помогла включению буржуазии в состав элиты, поставив вопрос о критериях принадлежности к нации и всеобщего политического участия.

Промышленная революция и железные дороги объединили внутренний рынок, усилив взаимозависимость между регионами.

Культурная революция удовлетворила возрастающий спрос на образованные, во всяком случае грамотные, кадры, распространив стандарты разговорного языка на всю страну и одновременно несколько снизив планку требований, предъявляемых к письменной речи. Тем самым был, выражаясь фигурально, возведен мост между двумя доселе оторванными друг от друга лингвистическими пространствами: языком элиты и языком основной массы с его региональными и местными диалектами. Магистральными каналами этой революции явились организованное на общенациональном уровне и ставшее обязательным начальное образование, а также всеобщая воинская повинность.

В 1864 г., вернувшись в Париж из инспекционной поездки по школам провинции Лозер, расположенной на окситанском юге Франции, правительственный чиновник с ужасом поведал, что ни один ребенок не дал ему ответа на вопросы: «Вы англичанин или русский?» и «В какой стране находится Лозер?». В свете этого показательного инцидента понятна вся сложность задач национального обновления, вставших после падения Второй империи перед Третьей республикой. На решение этих задач, обостренных поражением во Франко-прусской войне, была нацелена масштабная политика идентичности, реализуемая при помощи обширного образовательного и языкового регулирования. Попутно отметим, что реформы народного просвещения способствовали легитимации новой власти, укоренению молодых республиканских институтов.

Представление об Отчизне и месте Франции в мировой цивилизации прививалось даже на уроках пения (примечательно, что песенники для начальных школ

были разработаны по немецкой дидактической модели). Всеобъемлющие образовательные реформы придали цельность тому «лоскутному одеялу», которое на старте преобразований представляла страна в культурном отношении. Превратившийся в один из главных символов единого Отечества, французский язык стал вызывать патриотические эмоции, производные от преданности Родине в целом. Тем самым, как и замышлялось, общенациональной языковой идентичностью начала детерминироваться политическая лояльность.

В результате четко сфокусированной на достижении этих целей деятельности социальных институтов — школы, бюрократии (государственного управления), армии — и не в последнюю очередь благодаря эффективному правовому обеспечению французский язык утвердился на всей территории Республики, итальянский — на всем Апеннинском полуострове, а общенациональная версия немецкого языка была распространена на публичную сферу объединенной Германии.

Помимо своих ближайших, непосредственно преследуемых целей, эти свершения, сочетаясь с отменой избирательных имущественных цензов и введением всеобщего избирательного права, положительно сказались на действительности догмата: публичная власть в представительных демократиях осуществляется государственными институтами, производными от верховной власти, источником которой является воля нации-суверена. Очевидна обратная зависимость между мерой декларативности приведенного выше фундаментального положения конституционного права, с одной стороны, и культурной, а значит, политической сплоченностью нации, с другой стороны.

К слову сказать, несмотря на все принятые меры, к 1900 г. население четверти муниципалитетов так и не заговорило на общенациональной версии французского языка. Да и в XXI в. повестка осуществляемой во Франции языковой политики, а значит, и языкового законодательства, включая правореализационную деятельность всех структур, применяющих и оценивающих это законодательство (Конституционный и Государственный советы прежде всего), отнюдь не исчерпана.

Аналогичные процессы стандартизации языка и национализации культуры, в то же время означающие их демократизацию, протекают в последней четверти XIX — первой половине XX в. в большинстве европейских стран⁶.

⁶ Ср., например: *Миллер А. И.* Идентичность в языковой политике властей Российской империи на западных окраинах во второй половине XIX века // А. И. Миллер. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое литературное обозрение, 2010 ; *Woolard K.* The Politics of Language Status Planning: 'Normalization' in Catalonia» // N. Schweda-Nicholson (ed.). Language in the International Perspective. Norwood : Ablex, 1986 ; *Kuter L.* Breton vs. French: Language and the Opposition of Political, Economic, Social, and Cultural Values // N. Dorian (ed.). Investigating Obsolescence: Studies in Language Contraction and Death. Cambridge : Cambridge University Press, 1992 ; *Stubkjaer F.* Die Standardausprache des osterreichischen Deutsch im Konzept Deutsch als plurizentrische Sprache // Jahrbuch Deutsch als Fremd- sprache: Intercultural German Studies. 1997. № 23 ; *Tsui A., Tollefson J.* Language Policy and the Construction of National Cultural Identity // Language policy, culture, and identity in Asian contexts. New York : Routledge. 2017.

Поступательно нарастающая политизация языковой проблематики в ее взаимосвязи с процессами государственного и общенационального строительства с определенного момента идет рука об руку с юридизацией этого же дискурса. Свидетельством этому, служит в том числе появление таких терминов, как «лингвистическая дискриминация», «лингвистический империализм», «лингвицид», «лингвистическая сецессия», «лингвистический федерализм» и др.⁷

Установление лингво-правовых режимов, регламентация использования языка в публичном пространстве (а в случаях отдельных многоязычных государств, и не только в публичном) выдвигается на первый план языковой политики. Впоследствии появляется еще одно стратегическое направление — защита национального языка от нежелательных (избыточных) внешних заимствований⁸. Центральными инструментами достижения названных целей стали лингвоидеология и лингворегулирование, отвечающие, соответственно, за идеологическое и правовое измерения языковой политики.

* * *

На взаимосвязь национального государства, территории и языка одними из первых указали романтики. Из всех уз, связующих народ воедино, утверждали они, самой сильной является общность языка, именно в ней проявляется нравственная природа нации, именно она определяет преобладающие в национальном сознании идеи.

Два с лишним столетия спустя основоположники научного изучения национализма Э. Геллнер, Э. Хобсбаум и Б. Андерсон взяли за развенчание примордиалистской мифологии о «естественной коллективности», т.е. восходящих к взглядам романтиков представлений о самоочевидном существовании и традиционном происхождении нации как формы социальной организации, основанной на общности исторического прошлого, вероисповедания и языка (либо на общности большей части перечисленных критериев)⁹. Основания национальной общности стали трактоваться в качестве «схем легитимации», внедряемых в коллективное сознание представителей конструируемого сообщества по разным каналам и разными акторами.

Бесспорно, каждое национальное государство обладает идеологией, каковая, следуя канонам своего жанра, уделяет описанию желаемого значительно больше внимания, нежели констатации фактического состояния дел. Тем не менее отсюда вовсе не вытекает, что национальная и языковая идентичность — сугубые

⁷ См.: Woolard K. Language variation and cultural hegemony: toward an integration of sociolinguistic and social theory // *American Ethnologist*. 1985. № 12 ; Paulston C. B. Language Policies and Language Rights // *Annual Review of Anthropology*. 1997. Vol. 26.

⁸ См.: Языковая политика, конфликты и согласие / отв. ред. С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова. М. : ИЭА РАН, 2018 ; Bauman R., Briggs L. Language Philosophy as Language Ideology: John Locke and Johann Gottfried Herder // P. Kroskity (ed.). *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe, 2000.

⁹ Геллнер Э. Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991 ; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб. : Алетейя, 1998 ; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле, 2016.

фигуры, сотворенные идеологическими, политическими и юридическими технологиями. Но столь же серьезной ошибкой будет недооценка роли, сыгранной предпринимаемыми в языковой сфере институционально-регулятивными усилиями в целом и нормативным регулированием вкупе с правоприменением в частности. Именно они вывели объективные предпосылки национального единства из потенциального состояния в актуальное, при этом культурная близость стала подлинной гарантией принадлежности к политическому целому во многом благодаря действию соответствующих правовых механизмов.

Лишь внятное понимание компаративной ретроспективы, глубокое сравнительно-историческое изучение опыта регулирования языковой сферы, как в плоскости политико-правовых концептов («лингвистические идеологии»), так и в плоскости позитивного права, делают возможным, по нашему убеждению, выработку и претворение в жизнь языковой политики и реализующего ее законодательства, действительно отвечающих тем задачам, которые ныне стоят перед российской государственностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М. : Кучково поле, 2016. — 416 с.
2. *Веденеев Ю. А.* Юридическая наука: становление и развитие языка научной дисциплины // Гражданин. Выборы. Власть. — 2024. — № 1. — С. 47—72.
3. *Геллнер Э.* Нации и национализм. — М. : Прогресс, 1991. — 322 с.
4. *Исаев И. А.* Историческая метафизика власти и закона. Обращение к истокам. Очерки по истории и философии права. — М. : Проспект, 2024. — 272 с.
5. *Исаев И. А.* Основная норма («Скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 2—33.
6. Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. — СПб. : Алетейя, 2017. — 467 с.
7. *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. — М. : Новое литературное обозрение, 2010. — 320 с.
8. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. — СПб. : Алетейя, 1998. — 308 с.
9. Языковая политика, конфликты и согласие / отв. ред. С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова. — М. : ИЭА РАН, 2018. — 334 с.
10. *Barbour S.* Language and National Identity in Europe // C. Hoffmann (ed.). Language, Culture and Communication in Contemporary Europe. — Clevedon : Multilingual Matters, 1996, — P. 28—46.
11. *Bauman R., Briggs L.* Language Philosophy as Language Ideology: John Locke and Johann Gottfried Herder // P. Kroskrity (ed.). Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities. — Santa Fe, 2000. — P. 139—204.
12. *Berre M.* Le Français à l'école primaire en Flandre vers 1880—1890: Identités nationales et techniques d'enseignement // M. Kok-Escalé, F. Melka (eds.).

- Changements politiques et statut des langues: Histoire et epistemologie 1780—1945. — Amsterdam : Rodopi, 2001. — P. 235—252.
13. *Bivona R.* L'Italie est faite, il faut faire les Italiens: La Construction de l'identite nationale dans les manuels scolaires // M. Kok-Escalte, F. Melka (eds.). Changements politiques et statut des langues: Histoire et epistemologie 1780—1945. — Amsterdam : Rodopi, 2001. — P. 215—233.
14. *Blommaert J., Verschueren J.* The role of language in European nationalist ideologies. // K. Woolard K., P. Kroskrity (eds.) Language Ideologies: Practice and Theory. — New York, 1998. — P. 189—210.
15. *Edwards J.* Language and Identity: An introduction. — Cambridge, 2009. — 314 p.
16. *Gal S.* Linguistic Theories and National Images in Nineteenth-century Hungary // S. Gal, K. Woolard (eds.). Languages and Publics: The Making of Authority. — Manchester : St. Jerome, 2001 — P. 30—45.
17. *Gorlach M.* Language and Nation: the Concept of Linguistic Identity in the History of English // English World-Wide: a Journal of Varieties of English. — 1997. — № 18 — P. 1—34.
18. *Greenfield L.* Nationalism and language // Concise Encyclopedia of Pragmatics. — London, 1998. — P. 635—641.
19. *Gumperz J.* Introduction: Language and the Communication of Social Identity // J. Gumperz (ed.). Language and Social Identity. — Cambridge : Cambridge University press, 1982. — P. 1—21.
20. *Jensen J.* Politics of Language and Language of Politics: Corsican Language Activism and Conflicts between Internal and External Representations of National Identity // Journal of the Danish Ethnographic Society. — 1999. — Vol. 41. — P. 77—98.
21. *Kamusella, T.* Language as an Instrument of Nationalism in Central Europe // Nations and Nationalism. — 2001. — № 7. — P. 235—251.
22. *Kuter L.* Breton vs. French: Language and the Opposition of Political, Economic, Social, and Cultural Values // N. Dorian (ed.). Investigating Obsolescence: Studies in Language Contraction and Death. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992. — P. 75—89.
23. *Mersin-Alici D.* The Role of Culture, History and Language in Turkish National Identity Building: an Overemphasis on Central Asian Roots // Central Asian Survey. — 1996. — № 15. — P. 217—231.
24. *Nelde P., Weber P.* Les trois identites linguistiques en Belgique — des particularismes culturels? // Sociolinguistica. — 1995. — № 9. — P. 88—95.
25. *Paulston C. B.* Language Policies and Language Rights // Annual Review of Anthropology. — 1997. — Vol. 26. — P. 73—85.
26. *Renan E.* Qu'est-ce qu'une nation? // E. Renan. Discours et conférences. — Paris : Galmann Lévy, 1887. — P. 311—340.
27. *Rohfleisch I.* Das Dilemma der nationalen Identitat in Oberschlesien // D. Szilvia, F. Thorsten (hrsg.). Einstellungsforschung in der Soziolinguistik und Nachbardisziplinen / Studies in Language Attitudes. — Frankfurt : Peter Lang, 2000. — S. 99—108.
28. *Sayer D.* The Language of Nationality and the Nationality of Language: Prague 1780—1920 // Past and Present. — 1996. — Vol. 153. Nov. — P. 164—210.

29. *Stevenson P.* The German Language and the Construction of National Identities // J. Flood, P. Salmon (hrsg.). Das unsichtbare Band der Sprache: Studies in German Language and Linguistic History in Memory of Leslie Seiffert. — Stuttgart : Heinz Akademischer, 1993. — S. 333—356.
30. *Stubkjaer F.* Die Standardausssprache des osterreichischen Deutsch im Konzept Deutsch als plurizentrische Sprache // Jahrbuch Deutsch als Fremd- sprache: Intercultural German Studies. — 1997. — № 23. — S. 187—207.
31. *Tsui A., Tollefson J.* Language Policy and the Construction of National Cultural Identity // Language policy, culture, and identity in Asian contexts. — New York : Routledge, 2017. — P. 1—21.
32. *Turville-Petre T.* England the Nation: Language, Literature, and National Identity, 1290—1340. — Oxford : Clarendon press, 1996. — 241 p.
33. *Woolard K.* Language variation and cultural hegemony: toward an integration of sociolinguistic and social theory // American Ethnologist. — 1985. — № 12. — P. 738—748.
34. *Woolard K.* The Politics of Language Status Planning: 'Normalization' in Catalonia // N. Schweda-Nicholson (ed.). Language in the International Perspective. — Norwood : Ablex, 1986. — P. 91—102.